

Сергей Савинов

Первая лисица

Падает снег. Крупные, лохматые хлопья мерно спускаются к мерзлой земле, и покрывают ее белым пухом. Рябит в глазах от непрерывного движения, медленного и беспредельного, сверху вниз, сверху вниз... Чуть колыхаясь, пушистые, мягкие хлопья плывут где-то за пределами оставшейся высоты к земле, серой и жесткой, чтобы убелить ее и согреть.

Тысячи и миллионы хрупких снежинок ложатся плотным покровом, и нет больше серой земли—глаз слепит белоснежная равнина, к которой стремятся новые и новые миллионы белых посланниц далекого неба. Они все покрыли: и кочки, и пахоть, и полосы невысохшей травы, и кусты с запоздалыми листьями, и широкие пни на поляне. На заборах вырастают белые шапки, ветви елей и сосен изгибаются под мягким бременем, а сверху все падают и падают легионы новых снежинок, колыхаются в тихом воздухе и покрывают своей беспредельностью землю.

И вместе с ними откуда-то из темноты далекого прошлого возникают воспоминания. Разгораясь, они облекаются в плоть и кровь, и согревают измерзшую душу своим теплом.

Падает, падает снег.

Сероглазый, румяный Коля—весь внимание. Он старательно помогает дяде набивать патроны: тщательно отмеряет узенькой меркой порох, и насыпает его в зеленые картонные гильзы, вставляет туда пыжи и отставляет в сторону, где дядя насыпает дробь, прикрывает ее тонким картонным пыжем, и на машинке закручивает края гильзы.

— Видишь, Коля, для зайца достаточно третьего номера. Более крупной дроби в патроне мало, ее может рассыпать, а этой больше, и на зайца хватит. Вот эти четыре патрона мы зарядим картечью. Это для лисицы. А вдруг выйдет лисица, а? Это брат, получится зайца. Только лисица крепче, это тебе не заяц, который падает от такой дробины.

— А если в лисицу попадет много дробины, это лучше чем картечь?

— Нет, Коля, хуже. Во-первых, будет больше дырок и портится шкурка, а, во-вторых, мелкие дробины не пройдут глубже и не собьют лисицу. Да и вряд ли удастся стрелять в лисицу на столь близком расстоянии. Ну, с порохом кончил? Дробь это порох, „жемчужный“ — каждая порошанка блестит. Так,

здесь двадцать патронов, хватит! Теперь давай твои. Два сделаем с картечью, а остальные с третьим номером.

— Дядя, я сделаю четыре с картечью!

— Зачем? Четыре раза стрелять по лисице? Вряд-ли привалит такое счастье...

— Ну, пожалуйста, позволь!

— Хорошо, только партонташ будет тяжелее.

— Это ничего, я не устану. Дядя, а сколько лисиц надо на шубу?

— Много, дорогой! Столько не убьешь.

— А если охотиться только на лисиц?

— Ну, штук пятнадцать надо...

Коля бережно высыпает в узкие гильзы картечь и осторожно закручивает гильзу.

Он в первый раз едет на „настоящую“ охоту. Целое лето он пробродил по полям и болотам, настрелял несколько десятков перепелов и уток, взял даже двух куропаток, принес с ноющим от тяжести плечом зайца, но все это были прогулки вдвоем с дядей или с кем-нибудь из знакомых. А теперь его берут на облаву, едут с гончими, на весь день, едут за пятнадцать верст...

— Так кончили! Еще раз протри свою берданку. Смотри, чтобы в затворе не было много масла, а то замерзнет и не будет свободно ходить. Значит, утречком поедем, к темноте вернемся, так что и на елку не опоздаешь.

— Дядя Саша, а в скольких шагах можно убить лисицу?

— Шагах в шестидесяти, дальше только случайно. Из твоей берданки даже в пятидесяти—ведь калибр-то меньше, значит, меньше дроби и меньше шансов, что на столь большом расстоянии попадет дробины. Но берданка бьет хорошо.

— А я все-таки хочу двустволку!

— Подожди, всепривдет. Теперь тебе по силам берданка двадцатого калибра, подрастешь—получишь и шестнадцатый калибр. Учись хорошенько, а папа тебе купит и двустволку.

Всю ночь Коля ворочался, вздрагивал, все ему снились кусты меж высоких сосен, а между ними бегали лисицы, и он никак не мог поймать их на мушку.

Было еще совсем темно, когда широкие розвальни выехали со двора. Где-то впереди ехали сани с собаками, еще дальше слышался бодрый голос Никифора, кучера главного устроителя охоты, рыжеусого полковника.

Коля лежал на сене рядом с дядей, возле него была его берданка и Коля изредка потрагивал ее. Дядя вполголоса раз-

говаривал с соседом и каждое слово Коля слушал с напряженным вниманием.

— Начнем мы от Большого Лога и пойдем к Белому озеру. Там собаки скорее всего поведут по лисе. К вечеру лошадей подадут к опушке, что по дороге на Мохнач. Даст Бог, погода будет хорошая. Ночью падал снежок, а теперь перестает.

Коля слушал, не шевелясь. Мягкие хлопья изредка ложились ему на лицо и медленно таяли.

— Ну, как ты, Коля, не замерз? — вдруг спросил дядя.

— Нет, что ты! Мне тепло.

— Смотри, дружка, не оскандайся, — продолжал дядя. — Если выйдет заяц, срежь его как следует! Чтоб не получилось, как тогда, помнишь — налетел целый табунок уток, а ты дулетом в белый свет, как в копеечку!

Кровь прилила к лицу... И зачем это вспоминать перед самой охотой? Да еще при чужом...

Уже рассвело, когда охотники разошлись по лесу. Коля шел рядом с дядей. Ноги мягко тонули в рыхлом снегу, ровной пеленой засыпавшем все поляны и редкое мелколесье. Только под большими елями было снега меньше и уже кое-где на свежем снегу чернели шелушинки с веток и шишек. Значит, уже птицы проснулись и позавтракали.

Вот вдали дослышался собачий голос, его подхватил другой, третий, и морозным воздухом понеслась звонкая песня гона. Собаки будто плакали, их лай порой переходил в стон и слышалось жалобное ай-ай-ай.

— Коля, стань вот здесь! За кустом тебя не будет видно, а ты смотри вон туда. И следи за гоном.

Дядя быстро отошел на полсотни шагов и стал за широким стволом сосны. Коля взвел курок, взял свою берданку на изготовку и впился глазами в передние кусты и узенькую просеку между ними. Иногда он на секунду бросал взгляд на дядю, но тотчас же переводил его вперед.

Гон то усиливался, то затихал, стал уходить куда-то вправо, потом глухо ухнул выстрел, и гон смолк. Дядя окликнул Колю: „Идем понемногу! Сейчас опять пустят собак“.

Гон сменялся гоном; на всех выходили зайцы, даже дядя убил одного, но и то, когда был далеко от Коли, так что Коля и не видел бегущего зайца. Разочарование дополнилось усталостью от долгого хождения по глубокому снегу, и когда рог собрал охотников на привал, Коля без аппетита ел бутерброд с колбасой и свои любимые пирожки с рисом, поглядывая с плохо скрываемой завистью на убитых

зайцев и как-то без интереса слушал оживленные рассказы охотников о необыкновенных обстоятельствах, при которых были убиты зайцы.

— Что-ж ты, Коля, не постарался? — спросил один из охотников.

— Это он готовится взять лису! — пошутил рыжеусый полковник; похлопал Колю по плечу и добавил: А хорошо бы маме на шубу лисицу, а? Ха-ха! — громко рассмеялся полковник. — Как раз к праздникам подарок будет... Это все ерунда, — уже серьезным тоном сказал полковник. — Главное — удовольствие получить. Конечно, если без выстрела весь день проходить — радости мало, это верно. Вот пойдем сейчас — не зевай! Тут будет скат к озеру, там всегда полно зайцев.

Опять пустили собак; прошел и один гон и другой, но на Колю не вышел ни один заяц. Безучастно Коля слушал лай собак, добросовестно сторожил, по дядиному указанию перебежал на перерез гону, но толку не было. Когда вдали посветлел край леса, Коля отделился от дяди, забрал все правее и правее и вышел на самую опушку. На зальтом солнцем ослепительном снегу бурели камыши озера, кусты в пушистом уборе казались не то шалашами, не то скорченными людьми. Было тихо-тихо и на солнечной стороне с сосен капала вода.

Вот где-то далеко опять раздалась звуки гона. Коля разрядил ружье, вложил патрон с картечью, взвел курок и стал за сосной. Сперва гон шел прямо на него, потом стал удаляться и Коля уже было опустил ружье, как вдруг впереди мелькнуло что-то рыжее и через секунду из-за деревьев выскочила лиса, оглянулась в сторону гона и замерла возле куста. Дрожжащими руками, плохо видя лисицу, Коля поймал ее на мушку и судорожно нажал спуск. Грохот выстрела, осыпавшийся на голову с веток снег, отчаянный прыжок лисицы — все это Коля помнил очень плохо. Ясно запечатлелась только последующая картина: на снегу, вздрагивая, лежит огненно-красная лисица. Не помня себя, Коля прыжками побежал к ней, хотел перепрыгнуть канаву, но увяз в снегу и провалился выше колен в канаву, где под снегом накопилась вода. На четвереньках Коля выкарабкался, подбежал к лисице, осторожно, как этому учил дядя, ткнул ее в мордочку дулом ружья, и только тогда схватил за шиворот и с торжеством поднял вверх.

В это время впереди на опушку вышли охотники.

— Смотрите, смотрите! А Коля-то всех переплюнул — мы зайцев, а он по лисице ударил!

Восклицательный полковник и серьезный взгляд руку.

— С добром! Молодец, Коля!

А мама с улыбкой поздравил и сказал:

— Порадуешь папу. Один из всех убил лисицу!

Дальше охота пошла как во хмелю. На елке два раза выскакивали зайцы и когда он по первому промахнулся, он даже не пожалел: ведь лисица-то уже есть! А когда второго зайца срезал на месте, радость была сильно разбавлена воспоминанием о лисице.

Уже снег начал окрашиваться в сиреневые тона, когда к охотникам подъехали они. Коля положил рядом с собой лисицу, оба зайца лежали возле дяди. Только когда в санях, Коля почувствовал, что его ноги мокры. „Это, верно, там, в канаве я набрал воды“, подумал Коля, но воспоминание о канаве тот-час же вызвало в памяти картину лежащей на снегу лисицы, и Коля нежно погладил пушистую шерсть.

Радостное удивление папы, охи кухарки, благодарность мамы за „дорогой рождественский подарок“—все это слилось в заливающую все существо радость. Когда Коля снял сапоги, за голенищами лежал снег и ноги были холодны как лед. Коля переоделся, наскоро поужинал и вместе с мамой пошел к знакомым на елку. Они шли по тускло освещенным улицам маленького городка, и в мигающем кругу под фонарем снег желтел как недочищенная медь, а в пяти шагах уже был темно-синим.

На елке было весело; дети играли в „море волнуется“, в „свои соседи“, ели конфеты и орехи, но что бы Коля ни делал, время от времени в его голове проносились сверкающая мысль—а дома лисица! Когда взрослые узнали, что сегодня Коля убил лисицу, его поздравили, но скоро об этом и забыли. Дети с интересом спрашивали об охоте, но через пять минут об этом тоже забыли, бездумно веселились и хохотали, когда „все недовольны своими соседями“.

Коля на все смотрел словно издали, даже когда сам залиvisto смеялся. Каж-

дый пустяк ему напоминал сегодняшний день в лесу. Бутеброд с ветчиной напомнил подмерзшую колбасу—это до лисицы... Вата на елке вызвала в памяти снег на кустах, возле опушки, где лежала лисица... Плюшевый медведь под елкой казался бледным по сравнению с яркой шерстью лисицы...

Потом начала болеть голова, стало жарко, Коля подошел к матери и сказал, что хочет домой.

— Что с тобой? У тебя жар?

Смеряли температуру—оказалось 38. Дома Колю уложили в постель, жар все поднимался и утром вызванный врач определил воспаление легких.

Восемь дней и восемь ночей мама сидит около Коли. Восемь дней и восемь ночей Коля был между жизнью и смертью. То он метался по постели и кричал: „Она бьетесь! Попал!“ То лежал без движения и еле шевелил высохшими губами. Мама наклонялась к нему и едва могла уловить: „лисица... маме...“

Ночью Коля затих и начал холодеть. Встревоженная мама, с воспаленными от восьмидневной бессонницы глазами, послала кухарку за доктором. „Скажи, что умирает. Я очень прошу сейчас же придти!“

Каждая минута тянулась бесконечно, каждый чуть слышный вздох Коли возбуждал радость, тотчас же сменяющуюся опасением: не последний ли это вздох?

Доктор тихо вошел в комнату, подошел к постели, потянул носом.

— Давали кислород? Откройте форточку! Возможно больше свежего воздуха! Топите печь и открывайте окно.

Он нагнулся к больному, пощупал, пульс, через черную трубочку послушал, и резко выпрямился.

— Поздравляю! Кризис миновал. Теперь только внимание. До утра ничего не надо, а утром я приду.

В открытую форточку сияла ночь. На черном фоне было видно как в воздухе тихо реяли снежинки. Изредка какая-нибудь влетала через форточку в комнату, падала на пол и быстро таяла.

Падал снег.

